

рые сюжеты давали Ремизову почву для размышлений и литературной деятельности. «Я живу чужой жизнью, но как будто сам живу: Tristan et Yseult»,³ — сказано им по поводу его работы над повестью о Тристане и Изольде.

Пересказы А. М. Ремизова древнерусских и вообще средневековых произведений построены на единых принципах. Через литературные сюжеты древнерусских повестей А. М. Ремизов старается передать свою какую-либо определенную мысль, которая, видимо, и побудила выбрать для творчества то или иное произведение. Так, в связи с работой над «Повестью о Стефаните и Ихнилате» он заметил: «Старинная русская повесть для меня не только пересказ, а выражение моих чувств, содержание повести для меня материал».⁴ Передавая тот или иной сюжет в своей обработке, он стремился обратить внимание читателя на главную поэтическую мысль, которая казалась ему до сих пор не замеченной. Так «Повесть о Савве Грудцыне» он старался передать как повесть о любви, которая не может существовать без жертв во имя этой любви.⁵ Повесть о Бове королевиче и легенды о Соломоне («Круг счастья») писатель воспринимает как героические повести.⁶

В тексты этих же повестей он иногда включает и свои воспоминания (так, воспоминания о Москве встречаются в «Тристане и Изольде»), и свои настоящие настроения и чувства, и обстоятельства жизни. Особенно характерна в этом отношении «Повесть о Стефаните и Ихнилате».⁷ В «Савве Грудцыне» и «Мелюзине», по словам самого А. М. Ремизова, он передает свою «нестерпимую боль разлуки».⁸

Эти интерполяции в тексте произведения в то же время являются и одним из приемов стиля писателя. Неожиданные ассоциации с современными условиями жизни в пересказах старинных повестей и сказаний он считал необходимым для передачи читателю лучшего понимания смысла произведения («перевод чужого понятия на современный язык»)⁹. Так, в рассказе о Соломоне и Китоврасе упоминается «распространенная иерусалимская газета», репортеры которой в своей информации «понесли вздор» о пребывании Китовраса во дворце Соломона.¹⁰ Или там же упомянут современный термин «нюдист»; о возвращении в Иерусалим экспедиции, которая ездила добывать чудесный камень, режущий стекло, сказано: «И на радостях не помнят, как нюдистами в город въехали».¹¹

Есть ассоциации с современностью и в «Повести о Петре и Февронии». В рассказе о посещении змеем княгини Ольги он пишет: «Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро в сос соседа».

Темы своих пересказов А. М. Ремизов выбирал, читая старые документы и современные исследования по истории и литературе. Прежде чем написать свой вариант рассказа, А. М. Ремизов обычно сравнивал разные

³ Там же, стр. 231.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 115.

⁷ Подробнее об этом см. Я. С. Лурье. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат». — Русская литература, 1966, № 4, Л., стр. 176—179.

⁸ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 254—255.

⁹ Там же, стр. 131—132.

¹⁰ «Забежали эпитомоторы из распространенной иерусалимской газеты получить информацию, но со страху — такой понесли вздор — куроплет больше не велел пускать» (Алексей Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. 1877—1957. Изд. «Оп-лешник», Париж, 1957, стр. 48).

¹¹ Алексей Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне, стр. 53.